

Филипп Шкулёв (1868 – 1930)

МЫ КУЗНЕЦЫ

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куюм мы к счастью ключи!
Вздыхайся выше, тяжкий молот,
В стальную грудь сильней стучи.

Мы светлый путь куюм народу, –
Полезный труд для всех куюм...
И за желанную свободу
Мы все страдаем и умрем.

Мы кузнецы. Отчизне милой
Мы только лучшего хотим.
И мы недаром тратим силы
Недаром молотом стучим.

Ведь после каждого удара
Редает тьма, слабеет гнет,
И по полям родным и ярам
Народ измученный встает.
1905 или 1906

Я КОММУНИСТ

Люблю я зори, воздух чистый
И голубые небеса,
Журчанье речки серебристой
Родные нивы и леса.

Люблю желанную свободу,
Немую тишь и бури свист,
Погожий день и непогоду...
Я коммунист, я коммунист.

Люблю трудящегося брата
В полях, в заводе за станком,
И в ранний час, и в час заката
С высоко поднятым челом.

Пусть черен он, костюм в заплатах,
Зато душой, как солнце чист,
Пред ним живущие в палатах
Пигмеи все... Я коммунист.

Люблю я знание, ясность мысли,
Полет стремительной мечты:
В глубь океана, в даль ли, в высь ли,
В лазурь, иль в бездну темноты.

Люблю стремленье к идеалу,
Пусть этот путь тяжел, кремнист,
Грозит порою кровью алой, –
Не страшно мне... Я коммунист.

Люблю мозолистые руки,
Орлиный взгляд и смуглость щек,
Металла звон, свирели звуки,
В союзе плуг и молоток.

Народа труд я воспеваю.
На свете труд, как солнце, чист,
Богатство, лень презираю...
Я коммунист, я коммунист!
1919

Василий Александровский (1897 – 1934)

* * *

Душа, кричи громче,
Ударь по нервам спящих! –
Время – опытный кормчий
Правит к высотам горящим.

Рви, барабан пространство,
Дробите камни, ноги, -
В мире нет постоянства,
Нет повторной дороги.

Мы подняли смерч крылатый,
Взрыли поля чугуном;
Мы требуем полной платы
За столетья, убитые сном.

Мы временно смерть призвали
Гниющее прошлое сжечь...
Наш меч и руки – из стали,
Земля – пепелящая печь.

Вымаливать стыдно пощаду,
Кто мир не приемлет иным,
От жизни уйди за ограду,
Укройся покровом земным.

Душа, кричи громче.
Ударь по нервам спящих! –
Время – опытный кормчий
Правит к высотам горящим.
1919

* * *

Глаза любимой не знают грусти,
Глаза любимой ведут на бой...
Сегодня сердце солнце впустит
В свой замок ало-голубой...

Когда кончают станки обедни
И пыль не смыта еще с лица.
Ты мне приносишь воздух летний
И запах жжёного свинца –

Глаза любимой пылают жадой
Распятья на стальном кресте –
Сегодня я, и ты, и каждый
Горит в кровавой высоте...
1919

* * *

Похоронные звоны и – радио,
Та же степь, а по ней – грузовоз.
Ветер зарево вытянул радугой
На суглинок промерзших полос...

Что же? Пойте ей вечную память,
Те, кому наслажденьем был сон,
Мы же солнечными глазами
Прозреваем в недра времен.

Мы другую Россию видим
Без метелей, тоски, кабаков;
В каждом юноше – новый Овидий,
В каждом старце – мудрость богов...

Рвутся времени красные кони
Из туманных надорванных пут,
Рвутся в мир, где на огненном троне
Восседает раскованный Труд.
1920

Владимир Кириллов (1890 – 1937)

МЫ

Мы – несметные, грозные легионы Труда.
Мы победили пространства морей,

океанов и суши,
Светом искусственных солнц мы зажгли города,
Пожаром восстаний горят наши гордые души.

Мы во власти мятежного, страстного хмеля,
Пусть кричат нам: «вы палачи красоты»;
Во имя нашего Завтра – сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

Мы сбросили тяжесть наследья гнетущего,
Обескровленной мудрости мы отвергли химеры,
Девушки в светлом царстве Грядущего
Будут прекрасней Милосской Венеры...

Слезу иссякли в очах наших, нежность убита,
Позабыли мы запахи трав и весенних цветов.
Полюбили мы силу паров и мощь динамита,
Пенье сирен и движенье колес и валов.

Породнились с металлом,
душою с машинами слиты,
Мы разучились вздыхать и томиться о небе,
Мы хотим, чтобы все на земле были сыты,
Чтобы не было слышно
ни стонов, ни воплей о хлебе.

О поэты-эстеты, кланите Великого Хама,
Целуйте обломки былого под нашей пятою,
Омойте слезами руины разбитого храма, –
Мы вольны, мы смелы, мы дышим иной красотой.

Мускулы рук наших жаждают гигантской работы,
Творческой мукой горит коллективная грудь,
Медом чудесным наполним мы доверху соты,
Нашей планете найдем мы иной,
ослепительный путь.

Любим мы жизнь, ее буйный восторг опьяняющий,
Грозной борьбою, страданьем наш дух закален.
Все – мы, во всем мы,
мы – пламень и свет побеждающий,
Сами себе Божество, и Судья, и Закон.

Яков Бердников (1899 – 1940)

Из цикла «Пришествие»

Деревня! Не с елейным чудом,
Чтоб ярче зацвела земля,
С заводским медногорлым гулом
Иду я на твои поля.

Угарно-дымные лачуги
И прокопченные светцы
В вагранках огнеупругих
Я переплавлю на дворцы.

Не застучит мороз в оконце
С седоволосою пургой:
Радиопламенные солнца
Взметну я над полярной мглой.

В сердцах любви огонь затеплю
Лучистой утренней зари
И на остывшем чёрном пепле
Воздвигну счастья алтари...

<1920>

Михаил Герасимов (1889 – 1937)

ПЕСНЬ О ЖЕЛЕЗЕ

В железе есть стоны,
Кандальные звоны
И плач гильотинных ножей,
Шрапнельные пули
Жужжаньем плеснули
На гранях земных рубежей.

В железе есть зовы
Звеняще-грозовы,
Движенье чугунное масс:
Под звоны металла
Взбурлило, восстало,
Заискрилось в омутах глаз.

В железе есть чистость,
Призывность, лучистость
Мимозово-нежных ресниц;
Есть флейтовы трели, –
Зажглись и сгорели
В улыбках восторженных лиц.

В железе есть нежность,
Игровая снежность,
В шлифованном – светит любовь.
Закатная алость,
Порыв и усталость,
В изломе заржавленном - кровь.

В железе есть осень,
Холодная просинь
В заржавленных ветках сосны;
Есть знойное лето,
Миражем одето,
Горячим цветеньем весны.

В железе есть жгучесть,
Мятежность, певучесть
У скал раздробленной волны,
Напевность сирены
В кипучести пены,
Где тела извивы вольны.

В железе есть ковкость,
Проворность и ловкость
Есть в танцах мозолистых рук,
Есть ток в наших жилах,
В звенящих зубилах,
Вагранками спаянный круг.

В железе есть сила –
Гигантов возрастила
Заржавленным соком руда.

Железною ратью
Вперед, мои братья,
Под огненным стягом труда!

* * *

Завод вонзил два рога
В седое брюхо туч,
От раненого бога
Сочится красный луч.

Он с облачной перины,
Пронзенный, без ребра,
Спустил свой лик старинный
В окладах серебра.

Лазоревый и горный
Упал в машинный ад,
Мы переплавим в горнах
Серебряный оклад.

Мы в шахтовых туннелях
Глухую грудь земли,
Чтоб кровью закипела,
До сердца просверлим.

Мы брызнем красной лавой
Из наших синих вен,
Вздыбим бунтарской славой
Униженных с колен.

Довольно ныть и плакать
И горбить горы спин,
С России сбросил лапоть
Советский исполин.

Мы брызнем динамитом
На тихие поля,
Пусть прогремят гранитом
Восставшая земля.

Ночей полярных оси
Пожаром обольем,
Бомбой землю бросим
С кометным фитилем.

Огнем залижем тучи.
Разбухшие в слезах.
Осколками проищем
Святые небеса.

Мы – красные пророки,
В грядущие века,
Завод железнорогий
Вонзили в облака.

* * *

Я – не нежный, не тепличный,
Не надо меня ласкать.
Родила на заводе зычным
Меня под машиною мать.

Пламень жгучий, хлесткий
Надо мной свисал,
Я электрическую соску
Губами жадно присосал.

В стальной колыбели качался,
Баюкал бодрый гудок.
У ног загорелых плескался
Неугасающий грудок.

Динамо, как волк над люлькой,
Скалил огненный клык,
Металл расплавленный булькал,
Клубился вой и рык.

Заматерелая ругань
Шестерен и валов –
В них звучал мне голос друга
И материнский зов.

Только люди в синем сыном звали,
Я запомнил навеки ласковый лик,
Смеясь, игрушки давали:
Цилиндры, шатун, маховик.
Когда подрос и с тачкой
Мог один гулять,
Дали ружье, патронов пачку –
И пошли с баррикад стрелять.

Я – не тепличный, не хрупкий,
Опален пороховым огнем,
Борьбы горящие кубки
Хлебнул октябрьским днем.
1920

СТАНОК

* * *

Да, невозможное возможно,
Возможно невозможное, –
Говорю я, рабочий,
Бронзovoкoжнoй
От закала.

...Опять не просто,
Как будто собираюсь писать
Сонетов венoк,
Что поэты узкие из млечности вьют
Но я ведь хочу песню спеть простую.
А тут в вечности
Вижу трансмиссии без нагрузки,

Вхолостую
Вертятся шкивами планеты,
За кругом круг.
А гигант световой
Это – мой чугунный друг,
Простой токарный станок,
Правда, не обычной силы.
– Милый, милый,
Как давно я тебя забросил!
Я думал, что твою грудь
И шлифованные оси
Изгрызла ржа.
А тут всё блестит и горит
Пожар зари
Обжёт,
И кто-то,
Роняя капли пота,
Млечный путь перебрoсил
Привoдным ремнём
И развесил фонари Стожар.
<...>Вспыхнув, засучил рукава,
Запел рабочие песни,
Грубые и нежные,
Рассыпал слов колючих тернии,
Накренил
Накрененные полюса снежные,
Зажал ключом в станок,
В упор подвел суппорт,
Включил.
<...>Просто – ещё усилие,
И мы отшлифуем тебя, земля,
Выведем везувийные гнойники,
Прыщи старого и наросты.
По невиданному плану
Я срезаю целые горы,
Белые Монбланы
Стекали от упорного суппорта.
Но дрогнули нервы
В тысяча девятьсот двадцать первом,
Хрустнул резец,
Осколком по пузу
Саданул кожу,
Окровавив неба синюю блузу.
И вот над опилковой позолотой
Капли пота и крови звездно горят,
Рана сочится и течет плачами,
А многим кажется, что это
Просто детом
Над галифейными дачами
Вечереет заря.
1922

Александр Гастев (1882 – 1941)

МЫ РАСТЁМ ИЗ ЖЕЛЕЗА

Смотрите! – Я стою среди них: станков, молотков,
вагранок и горн и среди сотни товарищей.
Вверху железный кованный простор.
По сторонам идут балки и угольники.
Они поднимаются на десять сажен.
Загибаются справа и слева.
Соединяются стропилами в куполах и, как плечи
великана, держат всю железную постройку.
Они стремительны, они размашисты, они сильны.
Они требуют еще большей силы.
Гляжу на них и выпрямляюсь.
В жилы льется новая железная кровь.
Я вырос еще.
У меня самого вырастают стальные плечи
и безмерно сильные руки. Я слился с железом
постройки.
Поднялся.
Выпираю плечами стропила, верхние балки,
крышу.
Ноги мои еще на земле, но голова выше здания.
Я еще задыхаюсь от этих нечеловеческих усилий,
а уже кричу:
– Слова прошу, товарищи, слова!
Железное эхо покрыло мои слова, вся постройка
дрожит нетерпением. А я поднялся еще выше,
я уже наравне с трубами.
И не рассказ, не речь, а только одно, мое
железное, я прокричу:
«Победим мы!»

ГУДКИ

Когда гудят утренние гудки на рабочих окраинах,
это вовсе не призыв к неволе. Это песня будущего.
Мы когда-то работали в убогих мастерских и
начинали работать по утрам в разное время.
А теперь утром, в восемь часов, кричат гудки для
целого миллиона.
Теперь мы минута в минуту начинаем вместе.
Целый миллион берет молот в одно и то же
мгновение.
Первые ваши удары гремят вместе.
О чем же воют гудки?
– Это утренний гимн единства!

ВЫХОДИ

В этот город – сто железных дорог.
Мы высадимся сразу.
На дома, на заводы, на колонны, –
Всё соединим, вместе.
Будет дом в три миллиона жителей.
Наверху зажжём неистовый жертвенник:
Факела,
Урагано-печи,
Прожекторо-пожары.
П-пах. Сразу потушим.
Ослепим материки...
Трехмиллионный дом, утонувший во мраке,
взорвём.
И заорём в трещины и катакомбы:
Выходи, железный.
Выходи же, бетонный.
Высотой в версту.
Нога его – броненосец.
Ступня его – как Везувий.
Глаза его – домны.
Руки его – виадуки.
Иди.
И молча,
Ни звука.
Тяжеленными бродами.
Прогуляйся по свету.
Твой путь:
Европа, Азия, Тихий океан, Америка.
Шагай и топай средь ночи железом и камнем.
Дойдешь до уступа,
Это Атлантика.
– Гаркни.
Ошарашь их.
Океаны залязгают, брызнут к звездам.
Миссиссипи обнимется с Волгой.
Гималаи ринутся на Кордильеры.
– Расхохочись!
Чтоб все деревья на земле встали дыбом и из
холмов выросли горы.
И не давай опомниться.
Бери её, безвольную.
Меси её, как тесто.

Между 1917 и 1919

Иван Филипченко (1887 – 1939)

ПРОЛЕТАРИАТУ

Безумным бегом буря мчится вдаль,
Изгибом гордым запрокинув шею,
Вонзая в небо космы, точно змеи,
Витые кольца, серую спираль.

Бушуют дубы, в дуги гнутся ивы,
Срываются стропила кровель хат,
Табун летит по степи, вздыбив гривы,
Метая ржанье, дикие призывы,
Как труб тревогу, конских горл набат.

И облаков стихийные порывы,
И пыль, как облака, со всех дорог, —
Все в бешенстве, круженьи, пляске фурий,
По голубой сухой лазури
Бежит, не зная, где рубеж, порог.

И вижу я:
На синеву зенита
Властительно врывается орёл
В размахе крыл, разгневанно, открыто.
Круги чертя, разрезал, распорол
Средину туч, как лёгкая ладья.
Вдруг крылья в небе распластал
И стал
Недвижно в бурю, точно Знак векам,
Точно символ, явленный полкам
Мильонных масс, кем Шар Земной объят.

То образ Твой, титан-пролетарьят
Венчанный славой.
То образ Твой, двойник.
Как он Ты величавый,
Как Ты орёл велик
В оружии когтистой оторочки,
Как Ты,
Простерший крылья правоты,
Средь бурь паришь на беспримерной точке.
1918

Сергей Обрадович (1892 – 1956)

ПРОЛЕТАРСКИЕ ПОЭТЫ

Полно говорить о соловьях, о луне
По транспаранту Надсона и Фета,
Когда корчится в роковом огне
В муках земная планета...

И вот пришли – не в покорном трауре,
На площади боль прошлого расплескав,
Буйные, в дыму и в зареве –
Синеблузые поэты от станка.

В ритме – крик баррикад, строфа –
Знойных лозунгов выстрел,
Верных, как аппарат фотографа,
Как радио – стремительно-быстрых.

Слышите ль в громовом прибое строк
Разрушающее и созидующее «Мы»?..
Эта слитность сил,
как млечный звездный поток
По черному асфальту тьмы.

С грудью и взором заглубелым,
Славьте Мускул и Солнце в граните!
Сонью обросшее тело
Жгите пылающим словом!.. Жгите!

Слава – в творчестве быть юным,
Радуюсь зорям, горну, поступи площадей,
И пасть пророком, творцом и трибуном
Под шелест знаменных лучей...
1922

ОКТАБРЬ

Эй ты, синеблузый, миллионноголовый!..
От стен сседающего Кремля
Под грузной поступью тяжелой
Закачалась земля...

И, забыв о молитвах и книгах Будды,
Магомета, Христа и прочих,
Вслушиваются страны в огненные гуды
России рабочей.

И рыщет по дорогам Европы,
Не смыкая в огне воспаленных вежд,
Голодный миллиардоротый Ропот,
И бьётся в городах громоголосый Мятаж...

Знаю: задыхается сердце Венгрии стоном,
Знаю: когтистой окровавленной лапой
Смят, раздавлен порыв Неаполя, –
Но вздрогнул трон золотого Дракона!

Но всюду, в судорожно извивающихся пожарах,
В дыму Нью-Йорка, Токио, Парижа,
На лондонских туманных тротуарах,
На древнеримской мостовой –
Октябрь, взор пламенеет твой!..
И мускулы и блуза к блузе ближе...
1920

МЫ

ПРОЛЕТАРСКИЕ ПОЭТЫ

Мы – заревых лучей потоки,
Мы – вешне-алые цветы,
Мы огневые ниже строки
Всемирной братской красоты.

Мы светозарным горном дышим,
Доменным пламенем горим,
Стальной рукою кровью пишем,
Страницы новые творим.

Бросаем миру мысль-динаму,
Сверлим и будим спящий ум,
И солнцем разум осянанный
Сжигает рои мрачных дум.

Металла звон, полей и горнов,
Приводов шум, сирены рев –
Мы ткем умело в стих узорный
И плавим радостный напев.

Мы славим труд превыше солнца,
За святость чтим мозоли рук,
Для нас напевы – веретёнца
И гул машин – сладчайший звук.

Пылайте, огненные строки,
Как солнца вешнего лучи,
Мы – мира первые пророки,
Мы – жизни радостной ткачи.
<1922>

Самобытник
(Александр Маширов, 1884 – 1943)

ВЕСЕННЕЕ

Горечь прошлого измерена,
Чарка выпита до дна...
И пошла вперёд уверенно
Возрождённая страна.

Что нам шёпоты змеиные?
К солнцу вольному легко
Крылья смелые, орлиные
Расправляйте широко!

Жизнь текла веками косными,
Но звенит весенний след,
Между сумрачными соснами
Вспыхнул синий первоцвет.

Пусть ещё враждой остуженной
Нам грозит ночная мгла,
В жизни, радостью разбуженной,
Много ласки и тепла.

Веет холодом от Ладоги,
В белом саване Сибирь.
Но и там советской радуги
Зреет солнечная ширь.

В чёрный год для почек розовых
Сил не будем мы жалеть,
Чтоб в громовых вешних созывах
Разом всем зазеленеть.

Прочь трясины – думы дряблые,
Ржавой мысли перелёт!
Расцветайте, счастья яблони,
Завивайся, жданный плод!

весна 1919

Василий Казин (1898 – 1981)

РАБОЧИЙ МАЙ

Стучу, стучу я молотком,
Верчу, верчу трубу на ломе, –
И отговаривается гром
И в воздухе, и в каждом доме.

Кусаю ножницами я
Железа жесткую краюшку,
И ловит подо мной струя
За стружкою другую стружку.

А на дворе-то после стуж
Такая же кипит починка.
Ой, сколько, сколько майских луж –
Обрезков голубого цинка!

Как громко по трубе капель
Постукивает молоточком,
Какая звончатая трель
Гремит по ведрам и по бочкам!
1919

РУБАНОК

Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком.

Ой, вейтесь, осыпайтесь на пол
Вы, кудри русые, с доски!
Ах, вас не мед ли где закапал:
Как вы душисты, как сладки!

О, помнишь ли, рубанок, с нами
Она прощалася, спеша,
Потряхивая кудрями
И пышно стружками шурша?

Я в то мгновенье острой мукой
Глубоко сердце занозил
И после тихую разлукой
Тебя глубоко запыллил.

И вот сегодня шум свиданья –
И ты, кудрявась второпях,
Взвиваешь теплые воспоминанья
О тех возлюбленных кудрях.

Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком.
1920

Георгий Якубовский (1891 – 1930)

РОДИЛЬНЫЙ КРИК

Ясным ли днём,
Тёмной ли ночью,
О каменщик ярый,
Ты слушаешь медный крик,
Скорбью навьюченный.
Разодранный надвое
Мир повис на крюке
Нелепо и криво.
Трудны вселенские роды,
Подспудные грозны удары,
Своды коммуны возводит
Эркапе – каменщик ярый.
Тяжки родильные схватки,
Клёкот проклятый
Застревает в горле,
Звериные вопли
Рвутся к свету,
А ты – спокоен,
Зодчий-родитель,
Эркапе крепкая,
Эркапе – пекарь
Солнечных миров.

<1924>

К чорту старый ненужный хлам.
Не волнует, не давит вчерашнее,
И в пути мне совсем не страшно,
Что вдогонку засвищут: хам...

Бешено,
Неумно бешено
Колоколом сердце кричит:
Старая Русь повешена.
И мы — ее палачи.

«Брюсову Герасимов часто обязан
построением строфы (имею в виду её
внутреннюю структуру), Бальмонту —
инструментовкой
стиха, Белому — ритмом своего
четырёхстопного ямба» ([Владислав
Ходасевич](#)).

Религиозная лексика и символика

Нет, своей, новой формы поэты "Кузницы" не
создали. В их наиболее своеобразных поэмах -
- прямое влияние Уота Уитмена и Эм.
Верхарна, из русских -- Маяковского, иногда
имажинистов; в менее своеобразных -
- символистов. Но, следуя этим образцам,
поэты "Кузницы" кое-что из них утрачивают.
Избегая индивидуализма, она впала в другую
крайность -- в отвлеченность. В громадном
большинстве случаев она все берет в
"мировом масштабе". Если Революция, то не
столько наша, Октябрьская, сколько
Революция вообще, всемирная, вне времени и
пространства. Если машина, то тоже не
данная, определенная, а машина вообще,
мировая, космическая. Рабочий -- не живой
человек, ткач, литейщик или что-либо
подобное, а Рабочий с большой буквы,
мировой Пролетарий, строитель нашей
Планеты. Из данного года, из нашего РСФСР,
поэзия "Кузницы" срывается в безвоздушное
пространство, где наша земля -- только
планета среди планет, а навстречу летят
миллионы солнц. Если не считать отдельных
"од", написанных на случай, вся реальная
жизнь, все общественные и политические
события, шумящие вокруг нас, проходят как-то
мимо поэтов "Кузницы": им, занятым задачами
мировыми и космическими, недосуг заниматься

такими мелочами. Такая оторванность от
конкретного ведет еще к тому, что образы у
поэтов "Кузницы" преувеличены,
гиперболичны, что их речь напряжена, чуть ли
не напыщена, что, постоянно стремясь
говорить просто, они часто переходят к
риторике и к крику. Брюсов

М. Герасимов - и настоящий поэт и
настоящий мастер. Отдельные
страницы и целые отдельные
стихотворения в его последней
книге - вполне хороши. Своим
мастерством, разнообразием
своих метафор, систематичностью
своих образов он умеет частью
преодолеть, частью скрыть от
читателя эти недостатки своей
поэзии; но они уже присущи ей и
представляют серьезную
опасность для будущего
творчества М. Герасимова. Нельзя
безнаказанно желать быть поэтом
и разрушать самое существо
поэзии, как словесного искусства,
которое одной то же и для
буржуазных поэтов и для
пролетарских. Брюсов

Степа -
кирпич
какого-то здания,
не ему
разговаривать вкось и вкривь.
Степа
творит,
не затемняя сознания,
без волокиты аллитераций
и рифм.
У Степы

незнание
точек и запятых
заменяет
инстинктивный
массовый разум,
потому что
батрачка —
мамаша их,
а папаша —
рабочий и крестьянин сразу. -
В результате
вещь
ясней помидора
обволакивается
туманом сизым,
и эти
горы
нехитрого вздора
некоторые
называют марксизмом.
(Маяковский, 1926)